

Библиотечка «ЗНАНИЕ-СИЛА»

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

ЧАСТЬ II

Библиотечка «Знание – сила»

Сборник статей

**Неизвестная война. Правда
о Первой мировой. Часть 2**

«Знание-сила»

2016

Сборник статей

Неизвестная война. Правда о Первой мировой. Часть 2 / Сборник статей — «Знание-сила», 2016 — (Библиотечка «Знание – сила»)

ISBN 978-5-91865-413-2

Сборник статей, посвященных неизвестным и малоизвестным фактам, событиям, связанным с мировой обстановкой, приведшей к Первой мировой войне, и с ходом войны. Статьи написаны профессиональными историками, часть из них была опубликована в журнале «Знание-сила» в 2015-16 годах. Издается к 100-летию Первой мировой войны. (Часть I сборника издана в 2014 г.)

ISBN 978-5-91865-413-2

© Сборник статей, 2016
© Знание-сила, 2016

Содержание

Вступление	6
Человек и война. Историческая память	7
Александр Горянин	7
Геннадий Постнов	15
Елена Серапионова	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

сост. Г.П. Бельская
Неизвестная война. Правда
о Первой мировой. Часть 2

© Г.П. Бельская, составление, 2016

© АНО «Редакция журнала “Знание – сила”», 2016

* * *

Вступление

Когда историки говорят, что Первая мировая война взорвала старый мир и погребла его под обломками империй и государств, руинами селений и городов и миллионами трупов, не считайте это преувеличением.

Может быть, кто-то другой, менее эмоциональный, но более точный и осторожный, скажет, что результатом её стал развал старых, просуществовавших десятки лет, государственных структур, перекраивание границ, территориальные захваты и появление такого феномена, как «третий мир», – на самом деле суть та же – довоенный миропорядок и миропонимание исчезнут навсегда и станут впоследствии малопонятной дисциплиной для изучения историков. Люди постараются не вспоминать, забыть пережитый ужас, очевидно, поэтому и сто лет спустя о Великой этой войне знают до крайности мало, и Первой назовут её много позже, не смея вообразить, что такой ужас может повториться.

Друг с другом воевали 38 государств с населением полтора миллиарда человек. Это 87 % людей планеты. Десять миллионов погибших и двадцать миллионов искалеченных. Четыре империи – Австро-Венгерская, Османская, Российская и Германская исчезли с карты мира.

Дрогнула церковь, да это бы и не беда! Дрогнула вера. Мораль из полноводной реки с цветущими берегами превратилась в слабый ручей на выжженной почве. Какая мораль, когда уничтожают ипритом?! Есть ли Бог? Вот вопрос, призраком нависший над послевоенной Европой, вопрос, недопустимый для самого существования Христианской цивилизации. И этим вопросом задаются простые смертные...

Как мог мир впасть в это безумие? И можно ли не впадать в него время от времени, будучи устроенным так, как он устроен? В свете нынешних событий в мире и в нашей стране, свидетелями которых мы являемся, эта тема представляется более чем актуальной.

Галина Бельская

Человек и война. Историческая память

Александр Горянин

Россия. Год 1913

Если верить мемуаристам, 1913 год имел какую-то особую окраску. Многие из случившихся тогда событий обрели со временем символический смысл, или им такой смысл стали постфактум приписывать. Многие задним числом нашли скрытые – зловещие или фаталистические – пророчества в написанных в тот год словах, полотнах и даже музыкальных сочинениях. Якобы что-то надвигалось, нависало, чувствительные творческие натуры ощущали близость апокалиптических событий и неизбежных революций, хотя люди попроще ничего такого не чувствовали.

Так описывают кануны всех великих событий, сложилось даже убеждение, что они «отбрасывают тень назад». На самом же деле, ни одно великое и судьбоносное событие в истории не было неизбежным – по крайней мере, по срокам. Если пророчество не сбылось, а предчувствие не оправдалось, кто их вспомнит через годы? Перечень несбывшихся предсказаний неизмеримо длиннее тех, что воплотились в жизнь.

Мы не можем посмотреть на 1913 год изнутри, глазами людей, не знавших, что будет дальше, – и тех, кто верил в пророчества, и тех, кто решительно в них не верил, и тех, кто о них даже не слышал. Вторые и третьи (вместе) всегда в подавляющем большинстве. Даже вопреки чтению газет (а журналисты и тогда были не умнее), они готовятся к будущему в рамках своих жизненных стратегий и надеются на лучшее. Верхушечные слои не составляют исключения. Ожидание войны – реальное, а не додуманное после – заставило бы всех вести себя иначе.

Это видно на примере целого ряда решений Государственной Думы: в 1913 году правительству не удалось провести через нее решение об использовании казённых(!) участков на бакинских промыслах для нужд военно-морского флота. Дума правительству отказала. Это не было случайным или единичным решением, Дума из каких-то мелочных фискальных соображений в течение шести лет не утверждала или отменяла результаты торгов по нефтеносным участкам, тянула с принятием закона о сдаче разведанных площадей в аренду, тем тормозя развитие нефтедобычи – и это на фоне топливного голода! Железные дороги и пароходства вынужденно переходили с мазута на уголь, в связи с чем транспортные артерии были забиты угольными перевозками, их полезная пропускная способность падала. (А.А. Иголкин. Отечественная нефтяная промышленность в 1917-1920 годах. – М., 1999).

Военному министерству требовалось 293. млн рублей для «пополнения запасов и материальной части» на период 1908-1915 гг. Дума не согласилась утвердить кредиты сразу в полном объеме, добившись, чтобы это происходило по частям, на каждый финансовый год, что было неудобно для военных. В июле 1912 года «Программа усиленного судостроения Балтийского флота» в целом была утверждена Думой, но с исключением кредитов на строительство портов (К.Ф. Шацилло. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории № 7-8, 1991). И так далее.

Если бы у думцев, достаточно погруженных в государственные интересы, была хоть малейшая внутренняя убежденность в неизбежности большой войны, они голосовали бы иначе. Но большинству из них давно прискучили подобные ожидания. Во время итало-турецкой войны 1911-12 гг, Первой Балканской войны 1912-13 гг., Второй Балканской войны 1913-го, да и перед ними, в прогнозах такого рода недостатка не было.

Каждая из малых войн начала XX века гипотетически могла перерасти в мировую: за малыми странами стояли коалиции больших, на кону было то же самое «турецкое наследство», которое всего год спустя стало запалом мировой бойни. Не забудем и то, что в 1910 году Япония оккупировала Корею, а ведь русско-японская война началась шестью годами раньше из-за столкновения интересов двух стран именно в Корее. Но поскольку до столкновения коалиций дело каждый раз не доходило, это внушило всем, или почти всем, от кого хоть что-то зависело, чуть большую, чем следовало, надежду, что так будет и дальше.

В качестве шедевра исторического и политического предвидения часто приводят «Записку на Высочайшее имя» сенатора и статс-секретаря Петра Николаевича Дурново. Она была подана в феврале 1914 года, но вполне могла быть написана (а возможно и писалась) в 1913-м, сумма вызывавших ее к жизни обстоятельств оставалась той же. В записке говорилось, что война между Англией и Германией неизбежна, однако это будет война не двух стран, а война коалиций, и России, в силу ее членства в Антанте, придется воевать с Германией, причем не за свои, а за английские интересы.

Надо при этом отдавать себе отчет, что императору подавались и другие записки, не менее убедительные при чтении. Про «Записку Дурново» вспомнили в 20-е потому, что многое (хотя и не всё) пошло так, как он предвидел. Но могло и не пойти, жизнь многовариантна. Хороший пример – Италия. Будучи членом Тройственного союза, противостоявшего Антанте, она с началом войны объявила о нейтралитете, а в 1915 году, поколебавшись, вступила в войну на стороне Антанты. Россия тоже могла уклониться от участия в войне, был ряд вариантов. И в наши дни делаются сотни прогнозов, и просто по теории вероятности какой-то из них окажется верным, но который именно, покажет лишь время.

В начале XX века существовало институционализированное движение в защиту мира, и множество пылких людей принимало его всерьез. Проводились конференции по разоружению, причем первая, в Гааге, собралась еще в 1899 году по инициативе Николая II, работало «Постоянное Международное Бюро мира» («Bureau International Permanent de la Paix») в Берне. В состав Бюро входило и Всероссийское общество мира. О том, что подобного рода деятельность производила впечатление действенной, говорит присуждение за нее Нобелевских премий мира. Один раз премия была присуждена самому Бюро, дважды (в том числе в 1913 году) – руководителям Бюро, и четырежды – видным европейским юристам за их усилия по созданию системы улаживания споров между странами посредством международного арбитража. (Тут стоит оговориться – в начале XX века нобелевские премии еще не были окружены тем пиететом, какой они имеют в наши дни.)

Но что все эти общества и бюро могли поделать против набирающей силу гонки вооружений в Европе и интересов крупных промышленников, стоящих за этой гонкой?

Весьма серьезное производство вооружений (слово «гонка» стали применять уже тогда) было налажено и в России – даже несмотря на некоторые препоны со стороны Государственной Думы. На русских верфях в 1911-1916 годах было спущено на воду 53 эскадренных миноносца серии «Новик» (по имени первого в этой серии), самых совершенных кораблей своего класса, послуживших мировым образцом при создании эсминцев послевоенного поколения. Русская полевая артиллерия была к Первой мировой войне просто лучшей в мире.

Те или иные военные характеристики страны, конечно, важны, но еще важнее понять, каково было ее, если так можно выразиться, общественное здоровье. Что из себя представляла Россия 1913 года? Не забудем, что речь идет о стране, по сей день остающейся бесконечно оклеветанной: непредвзятые попытки (к счастью, постоянно предпринимаемые) осветить ее истинный облик все еще встречают яростное сопротивление историков советского разлива, ибо с неизбежностью обесценивают их степени и звания.

В 1913 году население Российской империи (с Царством Польским и Финляндией, протекторатами Хива, Бухара и Урянхайский край) приблизилось к 150 миллионам (отсюда и

название известной поэмы Маяковского). Сколько из них проживало в границах нынешней Российской Федерации, вычислить не так просто: границы советских республик, ставших позже независимыми государствами, проводились в 20-е годы зачастую поперек старых границ губерний и областей. Соответствующие подсчеты были сделаны только для 1900 года. Из них следует, что в нынешних российских границах проживали тогда 71,1 млн. чел. (Большая Российская энциклопедия, том «Россия». – М., 2004. С. 156).

К 1913 году эта цифра, разумеется, выросла. Сегодня число жителей в этих границах в два с лишним раза больше.

О состоянии промышленности, сельского хозяйства, путей сообщения (и так далее) России в ее последний мирный год написано достаточно, недаром в советское время принято было делать сравнения именно с 1913 годом. Попробуем затронуть то, чему уделяется меньше внимания.

В 1913 году не исповедывалось и не причащалось всего 10 % православного населения Российской Империи (Б.Н. Миронов. Народ-Богоносец или народ-атеист? Как россияне верили в Бога накануне 1917 года // Родина, 2001, № 3). Этот, по выражению швейцарского историка культуры и философа Ханса Мюльстайна, «последний сохранившийся целостный реликт христоверующего средневековья» был разрушен только в результате революции 1917 года.

Хотя российский промышленный рабочий зарабатывал перед Первой мировой войной меньше, чем его западные коллеги (в Германии месячный заработок, считая в рублях по золотому паритету, составлял 57 руб., в Великобритании – 61, во Франции – 41, в России – 24,2), благодаря дешевизне продовольствия в России он потреблял мяса больше, чем английский рабочий – 38,5 и 33,1 кг в год соответственно – и ненамного меньше молока: 48,1 и 52,5 кг соответственно. Продолжительность рабочей недели в России в 1913 году была ниже, чем во Франции: 57,6 и 60 часов соответственно. В 1912 году (раньше, чем в США и ряде европейских стран) Россия приняла закон о социальном страховании рабочих. В Российской империи конца XIX века, как свидетельствуют календари того времени, официально нерабочими были 98 дней в году, тогда как, скажем, в Австро-Венгрии 53.

Столыпинская аграрная реформа, начало которой датируется ноябрем 1906 года, пробуксовывала вплоть до принятия думского закона от 14 июня 1910 года (утвержден Госсоветом большинством всего в один голос), юридически закрепившего право крестьянина покидать общину и выходить на «отруба» (собственные участки земли). До этого более осторожную часть крестьянства смущали слухи, что отруба вот-вот отменят. Закон подстегнул сомневающихся. На 31 декабря 1915 года к землеустроительным комиссиям обратилось с ходатайством о землеустройстве 6,17 млн дворов, т. е. около 45 % общего числа крестьянских дворов Европейской России. За неполные девять лет! Это оценка, которую русский крестьянин, якобы «чуждый собственничеству коллективист», выставил общине. Двумя годами ранее, в 1913 году, о котором у нас идет речь, цифра была, конечно, ниже, но тоже огромной.

Россия, начиная с XV века (т. е. за несколько веков до США), научилась привлекать нужных иностранных специалистов, а с течением времени довела эту практику до совершенства. «В России к 1914 году жили 200 тысяч рабочих и специалистов из Германии, 130 тысяч из Австро-Венгрии, десятки тысяч французов, бельгийцев, англичан» (А.И. Уткин. Вызов Запада и ответ России. – М., 2005).

В начале XX века в России было в семь раз меньше полицейских на 1000 человек населения, чем в Англии, в пять раз меньше, чем во Франции. Правда, и преступность была ниже. По данным «Британской энциклопедии» (1911 года издания), число осужденных на 100 000 населения в России составляло 77 человек, в США – 132, в Великобритании – 429, в Германии – 853. Причем для России это – данные за революционные 1905-1906 годы! Как ни удивительно, семь лет спустя, в 1913 году (когда революционные беспорядки остались позади)

российский показатель не снизился, а вырос до 99. Хотя до стран Запада России было в этом отношении еще далеко, преступность объективно росла, особенно в городах – она всегда идет рука об руку с модернизацией.

Российская империя переживала стремительный образовательный, научный и технологический рост. В 1890 году в России было 12,5 тысяч студентов, а в 1914-м – уже 127 тысяч (тогда как во Франции 42 тыс., в Германии 79,6 тыс., в Австро-Венгрии 42,4 тыс.). Данные по Великобритании и США на этот год в нашем источнике (Б.Н. Миронов. Социальная история России», 3-е изд. Т. 2 – СПб, 2003, стр. 385, 386, 390, 393) отсутствуют, но судя по динамике цифр за предшествующие годы, английский показатель 1914 года был заметно ниже российского, а вот американский уже выше.

По числу врачей Россия к 1913 году обогнала Францию (соответственно 28,1 и 22,9 тыс.) и, видимо, Великобританию (данные по Великобритании на этот год в нашем источнике отсутствуют, но судя по динамике цифр, английский показатель 1913 года был ниже российского).

Перед Первой мировой войной Россия была уверенным мировым лидером в книгоиздании. Уже в 1888-89 гг. она заметно опережала по выпуску книг Великобританию и США (7,25 тыс. наименований; 6,33 тыс. и 4,32 тыс. соответственно), почти сравнялась с Францией (7,35 тыс.), но уступала Германии (17,5 тыс. названий). Вскоре Россия обогнала Германию и стала мировым лидером по выпуску книжной продукции: в 1913 году он достиг в России 30,1 тыс. названий, в Германии – 23,2 тыс., в Великобритании – 12,4 тыс., в США – 12,2 тыс. Данные по Франции на этот год в цитируемом источнике отсутствуют, но ясно, что французский показатель 1913 года был заведомо ниже российского, английского и американского. Общий тираж книг достиг в России 1913 года 106 млн. экземпляров. Кроме того, в этом году в стране выходило свыше 2400 периодических изданий.

Такие показатели, как десятикратный рост числа студентов и более чем четырёхкратный – книжной продукции, не могут быть ни случайными, ни изолированными. Они очень точно отражают развитие страны.

В СССР не могли нахвалиться дальновидности советской власти, которая учредила, начиная с 1918 года, целый ряд научных институтов, многие из которых вышли затем на передовые позиции в мире. Согласимся, но и спросим: каким образом? Совнарком издал декрет, пришли комиссары в пыльных шляпах и на пустом месте быстренько соорудили институт? Между тем, прославленный ЦАГИ – это лишь новое имя аэродинамического института, основанного в 1904 году Д.П. Рябушинским в Кучине под Москвой. Государственный оптический институт создан на базе Русского физико-химического общества. Радиевый институт организован путем объединения Радиологической лаборатории Императорской академии наук (ИАН) и Радиевого отдела при Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). «Расщепление» Химической лаборатории (по сути, института) ИАН позволило создать Химический институт, Институт физико-химического анализа и Институт платины. Физико-математический институт им. В.А. Стеклова – результат, наоборот, слияния Физической лаборатории (детища академика Б.Б. Голицына) и Математического кабинета ИАН. Авиационное Расчетно-испытательное бюро и отраслевые лаборатории Императорского Московского технического училища (затем известного как «Бауманка») дали жизнь ещё пяти НИИ. И так далее.

Порой спрашивают: почему «царизм» (что бы ни означало это слово) сам не открыл такие институты? В начале века научные исследования в России, как и за рубежом, велись в высших учебных заведениях, в лабораториях, «бюро», научных обществах, в подразделениях Академии наук, в созданном в 1882 году Геологическом комитете и т. д. «Институты» – вроде харьковского Бактериологического института, созданного в 1887 году, или Императорского института экспериментальной медицины (учреждён в 1890 году в Петербурге) – были новшеством с точки зрения привычных форм исследовательской работы. Перед Первой мировой войной

институты всё чаще стали появляться и в Европе, и в России. Можно упомянуть бехтеревский Психоневрологический институт, созданный в 1907 году, и знаменитый донныне Институт истории искусств, основанный на собственные средства графом В.П. Zubовым в 1912 году. В 1915 году (т. е., чуть позже рассматриваемой нами даты) выдающийся организатор изучения российских недр горный инженер Пётр Пальчинский (в 1929 году расстрелянный ОГПУ) основал Институт изучения поверхности и недр.

Инициатива создания научных учреждений исходила от самих учёных (что было разумно), финансирование науки в значительной мере шло из частных фондов. Например, Институт биофизики и физики был построен и начал работу в Москве (на Миусской площади) без всякого государственного участия, на средства мецената Христофора Леденцова по замыслу физика П.Н. Лебедева. От этого института отпочковались, уже в советское время, Институт физики Земли, Институт рентгенологии и радиологии, Институт стекла, знаменитый ФИАН и, наконец, Институт биофизики. На средства фонда «Леденцовское общество» была создана лаборатория высшей нервной деятельности И.П. Павлова.

Общество отбирало заявки с прицелом на прорывные изобретения – такие, как расчёты поддерживающей поверхности аэроплана, способ оптимизации пропеллера летательного аппарата, «карманный микротелефон»(!) О.Д. Дурново. Общество финансировало создание Карадагской биостанции в Крыму, первой в мире геохимической лаборатории в Петербурге, аэродинамической лаборатории при Московском университете, лаборатории испытания гребных винтов при Императорском Московском техническом училище (Е.Д. Панов. Христофор Семенович Леденцов // Вестник Российской Академии Наук, 2004, том 74, № 1).

Меценаты опережали неповоротливое государство во многих странах – в первую очередь в США, но и у России неплохие показатели. Владелец Балашихинской мануфактуры Павел Шелапутин в 1893-95 гг. построил Гинекологический институт при Московском университете (ещё один институт!); судовладелец Александр Сибиряков финансировал полярные экспедиции; по завещанию генерала Альфонса Шанявского его вдова Лидия Шанявская создала целый университет. Примеров множество. (К слову, уже в начале XX века в России было 4762 благотворительных общества).

27 августа (9 сентября) 1913 года летчик-испытатель П.Н. Нестеров впервые в мире исполнил фигуру пилотажа «мертвая петля» (петля Нестерова). 10(23) декабря состоялся испытательный полет первого серийного 4-моторного бомбардировщика «Илья Муромец» инженера И.И. Сикорского, построенного на Русско-Балтийском заводе в Петербурге.

В 1913 году физик В.К. Аркадьев (впоследствии чл. – корр. АН) открыл ферромагнитный резонанс (избирательное поглощение энергии электромагнитных полей сверхвысокой частоты), химик В.Н. Ипатьев (с 1916 года – академик), один из основоположников каталитического органического синтеза, осуществил синтез полиэтилена, столь важного и 100 лет спустя вещества, экспедиция Б.А. Вилькицкого на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» открыла в Северном Ледовитом океане Землю Николая Второго. Ныне это Северная земля, огромный архипелаг, видный на любом, даже маленьком глобусе. В следующем году эта же экспедиция Вилькицкого впервые в истории пройдет Северным Морским путем.

Абсолютно выдающимся российским достижением стала прокладка железной дороги от Урала до Тихого океана. Достаточно сказать, что второго полноценного широтного пересечения Азии нет и по сей день. По состоянию на 1913 год достраивалась северная дуга Чита-Хабаровск, но уже ходили поезда Петербург-Владивосток (правда, после Читы поезд шел через Маньчжурию).

В связи с торжествами в честь 300-летия Дома Романовых была объявлена широкая (и, как теперь ясно, крайне несвоевременная) амнистия, позволившая вернуться в Россию значительному числу прятавшихся за границей врагов государственного строя, национал-сепарати-

стов и тому подобной публике. Правда, обвинения были сняты также с ряда писателей (М. Горького, А.В. Амфитеатрова, В.Г. Короленко, К.Д. Бальмонта и других).

Благодаря практически полной политической свободе и отсутствию цензуры, можно было печатать что угодно, в связи с чем роль подпольной печати сошла на нет. Этот процесс начался еще в 1905 году, но испытал несколько небольших заминок. Конечно, это не касалось совсем уж подрывных и подстрекательских листов.

Простой народ, судя по множеству свидетельств, почти до самого конца не сомневался, что Россия – самая великая и несокрушимая держава в мире. Эти настроения не вполне поколебала даже неудачная японская война, ибо велась она, по народному ощущению, как-то вполсилы и страшно далеко, в Маньчжурии, на чужой земле. Мол, если бы Россия сильно захотела, напряглась, от японцев бы мокрое место осталось. Надоело – вот и бросили эту войну, не стали вести дальше. Неважно, так это или нет, речь о преобладавшем настроении, хотя, разумеется, присутствовали и досада, и горечь, и разочарование. Когда Этнографическое бюро Императорского Русского Географического общества занялось изучением вопроса о патриотизме простого народа (это был, по сути, социологический опрос), преобладающий тон ответов был обобщён так: «В народе существует глубокое убеждение в непобедимости России» (М.М. Громыко. Мир русской деревни. – М., 1991).

Когда народ непоколебимо уверен в своей стране, ему не страшны никакие трудности. Сказанное справедливо даже для тех случаев, когда эта уверенность основана на неполном знании, неосведомлённости или даже наивности. Российская империя буквально вибрировала витальной энергией, и понятие «серебряный век» (на самом деле, воистину золотой) приложимо не только и не столько к литературе и искусству, но практически ко всему, в чём она проявила себя перед своей нелепой гибелью.

Нельзя, разумеется, утверждать, что позитивный дух пронизывал в ушедшей России всё и вся, так не бывает нигде. Как в любом обществе, было полно социально ущемлённых. Стремительное капиталистическое развитие выкидывало на обочину избыточно многих. Очень важным, а может быть и роковым фактором в судьбе страны стал тот факт, что либеральные и революционные «радетели» крестьян и рабочих неумоимо убеждали их, что положение народа беспрерывно ухудшается, что не соответствовало действительности. Но когда ожидания простых людей завышены, их потребности растут быстрее доходов, и они не чувствуют, что объективно живут лучше, чем вчера. Объективное – это некая статистическая абстракция, человек же верит лишь своим ощущениям. Для него они – единственная реальность.

Великолепный, казалось бы, фактор – высокая самооценка нации – оказал ей в судьбоносный миг дурную услугу. Воистину, иногда стране полезно быть менее уверенной в себе. Всеобщая вера в русскую силу бесспорно оказывала давление на действия людей, принимавших решение о вступлении России в войну 1914 года. Эти настроения били через край. Буквально каждый мемуарист, описывающий день объявления войны, вспоминает тысячные толпы на улицах русских городов, их ликование при вести, что Россия твёрдо решила защитить православную Сербию от «австрийской и тевтонской расправы». Сомневающиеся и пессимисты так себя не ведут.

Зато интеллигенция уже не первое поколение сохраняла, как главную святыню, свой негативизм. В знаменитых «Вехах» (1909) прозвучало как приговор: «Интеллигент – по существу, иностранец в родной стране». И это после полувека усердного интеллигентского народолюбия! К 1913 году что-то изменилось, но недостаточно.

Беспощадное перо Ивана Бунина диагностирует, по сути, коллективное слабоумие (как ни грустно употреблять подобные слова) определенного типа молодых людей: «Сколько было у этих юных прожигателей жизни жажды весёлого безделья под видом кипучей деятельности, опьянения себя сходками, опасностями подполья, мечтаний об обысках и тюрьмах, громких процессах и товарищеских путешествиях на каторгу, за Полярный Круг!» («Жизнь Арсе-

ньева»). Этот диагноз, правда, относится ко времени до так называемой «Первой русской революции». К 1913 году, благодаря политическим свободам, такой молодежи стало поменьше, но все равно слишком много.

Грезя литературными («некрасовскими») идеалами, безрелигиозная по преимуществу интеллигенция внедряла свой подростковый радикализм, отщепенство от государства, равнодушие к идеям права и ответственности во все страты общества, заражая их настроением на несотрудничество с властью в её, власти, усилиях по реформированию России, на противодействие этим усилиям.

Поразительно наивными оказались и «властители дум». Чего стоят, например, восторженные идиотизмы Бальмонта: «Я хочу горящих зданий, / Я хочу кричащих бурь!<...> / Я хочу кинжальных слов, / И предсмертных восклицаний!». Бунин в «Автобиографических заметках» вспоминает, как Леонид Андреев, «изголодавшийся во всяческом пафосе, писал...: “Либо победит революция и социалы, либо квашеная конституционная капуста. Если революция, то это будет нечто умопомрачительно радостное, великое, небывалое...”». Нечто умопомрачительно радостное не замедлило наступить.

Исследователь русского частного права эмигрант В.В. Леонтович, сам либерал, посвятил кадетскому «Союзу освобождения» несколько выразительных страниц в своей книге «История либерализма в России» (Париж, 1980; репринт: Москва, 1995). Рабочий и аграрный вопросы интересовали «Союз», настаивает он, лишь с демагогической точки зрения: думали не о том, как их решать в интересах России, а лишь о том, как их использовать в интересах войны с самодержавием. Социалистические партии, вопреки мифу, были в этом смысле не лучше кадетов. Правда, они больше, чем кадеты, вели агитацию в фабрично-заводской среде и на селе, но зато охотно давали ещё менее выполнимые обещания.

Как показали ближайшие годы (до марта 1917-го), социалистические партии, в первую очередь эсеры (о большевиках и слышно не было), не представляли опасности для империи, тем более, что их активность ощутимо шла на убыль. Смертельная опасность для страны, как выявили военные годы, исходила от кадетов, «прогрессистов», «октябристов» и прочих оппозиционных либералов, создавших полтора года спустя «Прогрессивный блок» в Думе и Госсовете, кузницу Февральской революции.

Приближали будущую российскую катастрофу, надо признать, не только либералы. Знаменитый публицист начала века, патриот и монархист Михаил Меньшиков, пытаясь привлечь внимание к тому, как питается народ, утверждал в январе 1914 года: «Ещё сто с небольшим лет назад самая высокорослая армия в Европе (суворовские “чудо-богатыри”), – теперешняя русская армия уже самая низкорослая». В чём причина? В плохом с детства питании, уверял своих читателей Меньшиков. Это крик души. А вот истина: суворовские солдаты имели рост, в зависимости от года (Суворов воевал долго), от 161 до 163 см. Они были выше французских, одного роста с британскими, но ниже немецких и шведских. Средний рост русских солдат в 1913 г. был около 169 см, они неплохо подросли за сто с небольшим лет. Публицист Меньшиков болел душой за свою родину, но пристрастно преувеличивая её «язвы», объективно работал на ту антисистему, которая вскоре уничтожила историческую Россию и его самого. Можно писать «кровью сердца» и быть неправым.

Общественность верила только критическим голосам и никогда не верила правящему классу, который, вдобавок, не озаботился создать парламентскую проправительственную партию европейского типа. Это была ошибка лично царя. Судя по ряду мемуаров, ему вплоть до февраля 1917 года казалось, что всем оппозиционным политическим партиям противостоит незримая партия возглавляемого им народа, которая бесконечно сильнее всех и всяких оппозиционеров (его отец, Александр III, говаривал: «Я царь крестьян»). Согласившись на создание формальной монархической партии, монархия, чего доброго, уравнила бы себя с какими-нибудь кадетами или октябристами.

При отсутствии правящей партии все существующие партии были, хоть и по разным причинам, но оппозиционны власти – одни в большей степени, другие – в меньшей. Перекоп получался воистину уникальный. Не было и по-настоящему официозной печати. Газета «Правительственный вестник» авторитетом не пользовалась, она печатала распоряжения правительства, отчёты о заседаниях Совета министров, таблицы тиражей, идеологическая же публицистика не была её жанром, журналисты в ней были слабые. Более влиятельные «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», а также «Русский инвалид» можно условно считать официальными, но по воздействию на читающую публику им было далеко до таких газет, как «Русское слово» (тираж дорастал до миллиона), «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Новое время», «Утро России», «Речь», «День» и др.

Хотя названные газеты могли временами выступать с охранительных позиций, в целом все они тем или иным образом опасно «раскачивали лодку», особенно во время начавшейся вскоре войны. В силу какого-то умственного вывиха тогдашние журналисты и редакторы были неспособны это понять. Русская печать, как писал без тени раскаяния в своих мемуарах кадет И.В. Гессен, «с возрастающим ожесточением» вела «партизанскую войну» с властью.

Актуальное в 1913-м, актуально, увы, и сегодня. Размышляя о 20-летию Перестройки, Виталий Третьяков сформулировал, среди прочего, три совершенно замечательных вопроса. Цитирую: «Нужно ли слушать русскую интеллигенцию при проведении любых реформ, тем более радикальных? Если нельзя, то как нерепрессивными методами заставить её замолчать? И вообще – чем занять интеллигенцию во время реформ?.. Мысленно, не для публики, отвечая на поставленные вопросы, я всякий раз вынужден давать ответы, которые принято называть циничными». Вопросы Третьякова, понятное дело, риторические. Ответ на первый из них ясно читается во втором и должен звучать примерно так: «Ох, нельзя – неадекватность этой публики, помноженная на зычный голос, способна ещё раз пустить страну под откос».

Правда, нельзя не отметить и то, что 1910-е годы привели часть радикальной интеллигенции в чувство, подтолкнув её к пересмотру прежних взглядов. Мания выискивать вокруг себя одних лишь мракобесов, «царских приспешников», черносотенцев, «глуповцев» и т. д. пошла на спад. Хотя эта тенденция так и не победила, всё больше людей «из общества» начали находить в своём отечестве положительные черты, отдавая дань происходившим в нём переменам, начиная ценить то, к чему их отцы ещё были равнодушны. Подобными настроениями пронизана почти вся культура Серебряного века, но особенно содержательный пласт позитивных оценок и описаний мы встречаем в мемуарной литературе. Обратное зрение помогло многим людям с запозданием разглядеть в образе ушедшей России то, что они, увлеченные выискиванием её изъянов и пороков, не сумели вовремя увидеть и оценить.

Закончу словами Бунина из «Окаянных дней»: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

Геннадий Постнов

О социальной психологии в России во время Первой мировой войны по материалам мемуарной литературы

Почти целый век Первая мировая война вытеснялась из общественного сознания России и становилась «неизвестной», «забытой». В современной научной литературе главное место, как правило, занимает анализ вопросов военных, экономических и политических. Именно поэтому ментальный, культурологический опыт Первой мировой нуждается в изучении и освоении исторической памятью.

Об этом опыте вдумчивые современники в своих мемуарах оставили поразительные свидетельства.

Запись от 2 августа 1914 года в «Петербургских дневниках» Зинаиды Гиппиус: «... в корне лежит Громадное Безумие». В июле 1917 года Максим Горький писал в «Несвоевременных мыслях»: «...Главнейшими возбудителями драмы я считаю не «ленинцев», не немцев, не провокаторов и темных контрреволюционеров, а более злого, более сильного врага – тяжкую российскую глупость». Василий Витальевич Шульгин, человек острого ума, выдающаяся историческая личность, находившийся в самой гуще событий, уловил «дух времени» Первой мировой войны в России: «...совершается что-то трансцендентально-иррациональное...» То есть, нечто (а что именно?!), парадоксальное и имеющее запредельный смысл, и одновременно вопиюще бессмысленное. Шекспир заметил, что всякое безумие имеет свою логику. Так в чем она для России той поры?

Своего рода массовое сумасшествие захлестнуло страну в первые месяцы войны. «Война была встречена с каким-то восторгом, опьянением», – пишет в «Моих воспоминаниях» внук декабриста, князь Сергей Волконский. Зинаида Гиппиус: «Все уже сошли с ума». А вот что говорит о настроениях начала войны в своей «Книге воспоминаний» великий князь Александр Михайлович: «...все они были способны линчевать того, кто осмелился бы в эти ответственные дни проповедовать умеренность». «Нельзя было найти ни одного нормального человека... был отслужен молебен, который сопровождался чтением Манифеста об объявлении войны. Толпа кричала ура, и чувствовался подъем». Знаменитый книгоиздатель Михаил Васильевич Сабашников описывает в «Воспоминаниях» эпизод отправки на фронт: «Солдаты держались молодецкато. Пели песни. ...А для придания отбывающим бодрости струнный оркестр пиликал на перроне «Боже, Царя храни». В «Воспоминаниях» Павла Николаевича Милюкова лаконично и, очевидно, излишне сдержанно определяется умонастроение начального периода войны: «Как принята была вообще в России война 1914 года? Сказать просто, что она была «популярна», было бы недостаточно».

Чем более горячим был эмоциональный всплеск широких масс, тем больше холодной рассудительности требовалось со стороны правящего слоя. Так и высказывается П.Н. Милюков в момент покушения сербского террориста до объявления Россией войны: «При явной неготовности России к войне – и при её сложившемся внутреннем положении, поражение России мне представлялось более чем вероятным, а его последствия – неисчислимыми... Нет, чего бы это ни стоило Сербии, – я был за «локализацию». Т. е., никак нельзя России ввязываться в войну. Николая же II подхватила волна всеобщего ажиотажа. Александр Михайлович свидетельствует: «В разговоре со мною у него вырвалось признание, что он мог избежать войны, если бы решился изменить Франции и Сербии...» Заметим, что Божьему помазаннику изменяет решимость и руководствуется он при принятии судьбоносного решения не объективной истиной, т. е. страхом Божьим, а страхом людским, боязнь кому-то не понравиться. И одновременно желанием понравиться народу. Об этом здесь же говорит Александр Михайлович:

«Наверное, за все двадцать лет своего царствования он не слышал столько искренних криков «ура», как в эти дни. Наступившее, наконец, «единение Царя с народом» очень радовало его».

Зная, падением в какую трагическую бездну обернулось это опьяняюще ослепляющее «единение» народа и вождя, невольно поражаешься истинности Слова Божьего: «Оставьте их: они – слепые вожди слепых, а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14). Умнейший Сергей Волконский, не потеряв ум среди всеобщего нарастающего безумия, ещё в момент бурных событий понял: «Могло бы и не быть большевиков, но большевизм все равно был бы...». Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой тоже это понял и пишет в своей книге «Минувшее»: «Всё неуклонно шло к большевизму...», т. е. к рабству под красным знаменем, на котором красуется: свобода, равенство, братство.

Эйфория начального периода по мере отрезвляющих провалов на фронте сменялась депрессией. Сергей Евгеньевич Трубецкой описывает характерный феномен социальной психологии того периода. «Я совершенно ясно помню... гнетущее чувство мрачной обреченности. Я никогда не ощущал этого чувства столь ясно и сильно, как именно тогда. ...Я никогда не был фаталистом. А в политике я считаю фатализм у ведущих слоев общества просто преступлением. Но тогда реагируя против этого чувства обреченности всеми силами своей души, я как никогда ощущал, что что-то «фатальное» нависло над Россией: злой Рок витал над ней... И такое ощущение было тогда далеко не исключением, наоборот, оно было очень широко распространено. Относились к нему, конечно, по-разному, в зависимости от политических вкусов и убеждений: иные радовались, другие – страшились, но все так или иначе – «ощущали»...» Чувство абсурда, обреченности и бессилия начала февраля 1917 года описывает Зинаида Гиппиус: «Записываю факты, каковыми они рисуются с точки зрения здравого смысла и практической логики. Кладу запись «в бутылку». Ни для чьих – всё утратило значение. Люди закрутились в петлю... Бедная земля моя. Очнись! Бедная Россия. Откроешь ли глаза?» Чувство обреченности вплоть до паралича воли поразило и самодержца. Находясь в Ставке рядом с царем, это видел великий князь Сергей Михайлович, о чем пишет его брат Александр Михайлович: «Настроение Сергея было прямо безнадежным. Живя в непосредственной близости от Государя, Сергей видел, как приближается катастрофа...» Об этой же прострации Николая II свидетельствует и сам Александр Михайлович: «Я горел желанием отправиться в Ставку и заставить Государя тем или иным способом встряхнуться... был в Ставке пять раз. И с каждым разом Никки казался мне все более и более озабоченным и всё меньше и меньше слушал моих советов да и вообще кого-либо другого ...Верховный Главнокомандующий пятнадцатимиллионной армией сидел бледный и молчаливый в своей Ставке.... Докладывая Государю об успехах нашей авиации и наших возможностях бороться с налетами немцев, я замечал, что он только и думал о том, когда же я наконец окончу мою речь и оставлю его в покое, наедине со своими думами». Период изматывающей апатии и депрессии не может не перерасти (скачкообразно, по психологическому закону маятника) к невротической активности, о чем и свидетельствуют мемуаристы.

18 июня 1917 года З. Гиппиус записывает: «Нет сейчас в мире народа более безгосударственного, бессовестного и безбожного, чем мы. Свалились лохмотья, под ними голый чело-век, первобытный – но слабый, так как измученный, истощенный. Война выела последнее. Её надо кончить. Оконченная без достоинства – не простится. А что, если слишком долго стыла Россия в рабстве? Что, если застыла, и теперь, оттаяв, не оживает, – а разлагается?» Бессовестный, безбожный и безответственный раб спешит перекинуть ответственность на кого угодно, винит всё и вся, кроме себя. Ещё Аристотель заметил: «Нигде я не встречал столько свар и раздоров как среди рабов». Об этом свидетельство В.Г. Короленко: «В светлое летнее утро 1917 г. я ехал в одноконной тележке по проселку между своей усадьбой и большим селом Ковалевкой. ...Вражда разливалась всюду. Первый радостный период революции прошел, и теперь всюду уже кипел раздор. Им были проникнуты и отношения друг к другу разных слоев

деревенского населения». В «Окаянных днях» И.А. Бунин рисует следующую картину психологии раба: «Как распоясалась деревня летом 1917 г., как жутко было жить в Васильевском! И вдруг слух: Корнилов ввел смертную казнь – и почти весь июль Васильевское было тише воды, ниже травы. А в мае, в июне по улице было страшно пройти, каждую ночь то там, то здесь красное зарево пожара на черном горизонте. У нас зажгли однажды на рассвете гумно и, сбежавшись всей деревней, орали, что это мы сами зажгли, чтобы сжечь деревню. А в полдень в тот же день запылал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели меня бросить в огонь, крича, что это я поджег, и меня спасло только бешенство, с которым я кинулся на орущую толпу».

Пароксизм бешенства, ненависть, перерастающая в желание убивать – если такие страсти овладевали людьми высококультурными, то что творилось в душах малокультурных масс?! Вот откровенное признание (весны 1917 года) В.В. Шульгина:

«Черно-серая гуща, прессуясь в дверях, непрерывным потоком затопляла Думу... Солдаты, рабочие, студенты, интеллигенты, просто люди... Живым, вязким человеческим повидлом они залили растерянный Таврический дворец, залепили зал за залом, комнату за комнатой...

С первого же мгновения этого потопа отвращение залило мою душу, и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность «великой» русской революции.

Бесконечная струя человеческого водопровода бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое...

Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому ещё более злобное бешенство...

Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы – этот зверь был... его величество русский народ...».

Раб труслив. Совесть в нем придавлена, потому что собственные животные вожделения его поработывают. Он не дает им выхода из страха внешней ответственности. Но страшась внутри себя своего страха, он дает ему выход (так сказать, «освобождается»), обращая вовне страх, т. е. терроризируя, истерически страшая всех, но прежде всего тех, перед кем, возможно, придется держать ответ за содеянное. Вот как этот процесс наблюдал С. Волконский: «"Мартовские" настроения длились недолго. ... Уже на втором месяце пошло озорство, и понемногу все плотины были сорваны. Какой-то ветер безответственности дул по вольному раздолью наших степей. Все мои обращения к председателю управы Сладкопевцеву обратить внимание на порубки и потравы оставались без последствий, а при свиданьях он говорил, что нет способов воздействия... Все это положение росло на наклонной плоскости и по наклонной не могло не идти дальше.

...Расшатывание чувства собственности шло с поразительной быстротой. ... Удивляло меня, почему они говорят: «будет наше», почему не говорят: «это наше»? Потребовалось некоторое время, чтобы они поняли, что это легче, чем им кажется... Эсеры им говорили: «Подождите, мы дадим, будет ваше». Пришли большевики и сказали: «Чего вы, дурни, ждете – берите».

Раб страшится ответственности, перебрасывает ее с себя на кого и чего угодно, на «иных», очень часто на иностранцев. Вот описание этого процесса в «Моих воспоминаниях» С. Волконского: «В 15–16 году очень обострилось национальное чувство, вернее, национальная подозрительность. С легкой руки «Нового времени» пошло в ход выражение «немецкое засилье». Пошло гонение... Тогда уже просыпались дикие инстинкты, только они облекались в одежду патриотизма. Это были первые признаки того звериного хулиганства, которое лишь

ждало, чтобы ему кто-нибудь сказал, что и одежды никакой не надо, что можно просто, откровенно зверинствовать и зверствовать». Уже к концу 17 года, отбросив стыд и совесть, С. Волконского преследовали его работники, которым он всю жизнь творил добро. Без всякой обиды он пишет о них: «Они не были извергами, они были самыми обыкновенными представителями нравственной серости, способные даже и на добрые чувства; но тут сразу выступило то, что в них было звериного. Редко, как именно в этом, я ощутил беспощадность того рубежа, через который большевики заставили перешагнуть: ни малейшей, даже самой тонкой связи с тем, что удерживало человеческую совесть. Люди перешагнули и почувствовали освобождающее блаженство безответственности. Говорят: «изменились». Нет, значит, и были плохи. Я совершенно убедился в том, что в смысле нравственной сортировки людей большевизм оказал услугу: кто был плох, стал хуже, кто был хорош, стал лучше. Теперь все наружу, прикидываться уже ни к чему: лицемерие не нужно, а цинизм даже вознаграждается...»

Изученные нами источники показывают три различных состояния общественной психологии, последовательно развивавшихся в стране в ходе Первой мировой войны. Это эйфория начального периода, переходящая во всеохватывающую депрессию и фрустрацию всех слоев общества. Затем короткий период воодушевления (так называемые «мартовские настроения»), вызванный свержением самодержавия, который очень скоро перерос в психоз всеобщей вражды и ненависти. Накал этих трех состояний и охват ими фактически почти всего общества позволяют делать вывод о своего рода психической эпидемии, поразившей Россию. Что за болезнь охватила страну?

По мере нарастания тягот и поражений в войне апатия сменялась нарастающей невротизацией общества. Произошло качественное изменение в России всех форм социальной напряженности в годы изнурительной, бесконечной позиционной войны, цели которой (верность союзникам? аннексия Константинополя и проливов? ответ на германский вызов? помощь «братьям-сербам»?) чем дальше, тем больше казались простому русскому человеку непонятными, чуждыми, даже враждебными, сколько бы войну ни называли в газетах «отечественной».

Изменения в общественном бытии и общественном сознании выражались в знаменитой и ужасной поговорке тех лет: «Нынче соль дороже золота, а жизнь дешевле соли». Но надо знать, что то, что полито кровью, стало или священным, или преступным. Середины не дано. Политика может быть ошибочной и компромиссной. Война, настоящая, Большая Война, требующая напряжения всех сил нации, не является «продолжением политики другими средствами». Война есть уничтожение политики. Если война оценивается как священная, государство резко укрепляется, если как преступная – гибнет.

Но гибнет тогда не просто государство. С грохотом рушатся все формы существующей в обществе легитимности, на которых, собственно, только и держится общество. Как оружейные залпы войны разносят вдребезги стеновой хребет всей системы нравственности, как происходит озверение солдата, считающего себя обманутым, хорошо показано в «Тихом Доне». Главный герой говорит: «С 15-го года, как нагляделся на войну, так и надумал, что Бога нету. Никакого! Ежели бы он был – не имел бы права допускать людей до такого беспорядка. Мы – фронтовики – отменили Бога, оставили его одним старикам да бабам». Гениальный Ф.М. Достоевский пророчески сформулировал: «Если Бога нет, то всё позволено!»

В.О. Ключевский писал: «Самодержавие – не власть, а задача, т. е. не право, а ответственность. Задача в том, чтобы единоличная власть делала для народного блага то, чего не в силах сделать сам народ чрез свои органы. Ответственность в том, что одно лицо несет ответственность за свои неудачи в достижении народного блага. Самодержавие есть счастливая узурпация, единственное политическое оправдание которой непрерывный успех или постоянное умение поправлять свои ошибки или несчастья. Неудачное самодержавие перестает быть законным. ...Правление, сопровождающееся Нарвами без Полтав, есть бессмыслица».

В «Записной книжке» В.О. Ключевского читаем: «Схема истории холопства в России. Военное или экономическое насилие превратилось в юридический институт, который посредством продолжительной практики превратился в привычку, а она по отмене института осталась в нравах как нравственная болезнь». Эта нравственная болезнь нации существовала в открытой форме до 1861 года, а после отмены крепостничества – в скрытой, дав летальное обострение в момент обострения социально-политической ситуации во время Первой мировой войны. Народ качнулся от обожания самодержца в 14-м к ненависти в 16-17-м, когда царь явно не обеспечил победу. Самодержец не удержался на троне, перестал удерживать народ, и тот, как сорвавшийся с цепи раб, конечно, не смог удержать сам себя в руках, превратив истолковываемую свободу как волю, т. е. своеволие, становясь тем самым рабом своих предрассудков, диких нравов, вожделений, страстей и страстишек.

Столетие начала Первой мировой совпадает с двухсотлетием гениального М.Ю. Лермонтова, который предрекал:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет.*

Он же писал:

*Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ!*

Н.Г. Чернышевский утверждал: «Жалкая нация! Нация рабов. Сверху донизу – все рабы». О симптомах нравственной болезни холопства свидетельствует С. Волконский: «Уже во второй год войны из всех щелей выползли клопы и собрались под знамя ложного патриотизма, ложного монархизма, ложного национализма, а на самом деле – под знамя подхалимства, наживы и хулиганства...»

Формы проявления рабской психологии невообразимо разнообразны и причудливы, причудливы хотя бы потому, что раб скрывает свою рабскую, низменную, трусливую суть от окружающих и от себя, маскируясь в одежды яркие, пестрые, даже героические. И тем вернее сталкивается с трагическими последствиями этой нравственной болезни, что не желает себя признать больным. Как писал П.Я. Чаадаев, «сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе слово «раб»! Вот заколдованный круг, в нем мы все гибнем, бессильные выйти из него».

Разве не рабы мелочного самолюбия и Николай I, и Николай II? Николай I увольняет из Синода светило церкви Филарета, «потому что хотел один сиять». Назначая премьер-министром Коковцова, последний царь спросил прямо: «Надеюсь, вы не будете меня заслонять так, как это делал Столыпин?» Сам, окружив себя раболепствующими ничтожествами, обвиняет всех при низложении короны (запись от 2 марта в его дневнике): «Кругом измена, трусость и обман!» Умываю-де руки... Только лукавый раб, трусливо покидающий пост в минуту опасности, изменяющий своему народу в судьбоносный момент, может при этом фактически обвинять народ.

Лукавство, т. е. самообман, перерастает в ложь общенационального масштаба, не позволяя общественному сознанию адекватно оценивать ситуацию в обществе. Ложная же самооценка (т. е. замутненная призма, через которую люди взирают на реальность и оценивают ее) в свою очередь порождает невротизацию общества, так как люди не могут не ощущать, что происходит нечто настолько иррациональное, что они просто теряют способность понимать реальность. Чуткий наблюдатель происходящего И.А. Бунин свидетельствует: «Лжи столько, что задохнуться можно. Все друзья, все знакомые, о которых прежде и подумать бы не смел

как о лгунах, лгут теперь на каждом шагу. Ни единая душа не может не солгать, не может не прибавить и своей лжи, своего искажения...»

На пытавшихся образумить обезумевших изливалась ярость и агрессия. Собрание городской думы в Полтаве в марте 1917 было разогнано хулиганами. Об этом сообщает В.Г. Короленко: «Мне не дали говорить, обозвали буржуем и обругали площадной бранью». Он же в апреле по просьбе селян выступал на их сходе по сложному вопросу о земле. А жажда простого решения («Грабь награбленное»!) соблазняла именно своей примитивной простотой и кажущейся справедливостью. «Уже в начале... моей речи я видел, что настроение толпы меняется. ...Большинству ее мои мысли казались нежелательными и ненужными. А она уже привыкла, что к ней обращаются только с льстивыми и приятными большинству словами. Лесть любят не одни монархи, но и «самодержавный народ», а от лжи погибают... Один солдат... сказал:

– Если бы вы, господин, сказали такое у нас на фронте, то, пожалуй, живой бы не вышли». Запись Короленко в дневнике от 5 декабря 1917 года: «Для нас «нет греха» в участии в любой преуспевающей в данное время лжи. ...И оттого наша интеллигенция, вместо того, чтобы мужественно и до конца сказать правду «владыке народу», когда он явно заблуждается и дает себя увлечь на путь лжи и бесчестия, – прикрывает отступление сравнениями и софизмами и изменяет истине...»

Т.е. мыслящая часть народа перестает мыслить, потому что сотворила себе идола из народа и рабски, угоднически ему же поклоняется, забыв свой прямой долг поклоняться лишь Истине, т. е. Богу. «Человек либо добровольно становится рабом Господа Бога, либо невольно и неизбежно становится рабом кого угодно и чего угодно», – писал Л.Н. Толстой. Требуется мужество, смирение, честность с самим собой, чтобы признать в себе самую черту рабской психологии. Как это сделал еще один русский гений А.П. Чехов, который писал в письме брату Михаилу: «Каждый день по капле выдавливаю из себя раба». Это настолько мучительная работа, что подавляющее большинство к ней даже не приступают. Более того, впадают в слепоту самообмана, потому что увидеть в себе раба кажется очень унижительным. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». (А.С. Пушкин)

В.О. Ключевский писал: «Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности». Стихийно, спонтанно проявлялась и проявляется закономерность социальной революции, в которой тот, кто был всем, становится ничем, потому что, натурально, раб, «кто был ничем», хочет и «имеет право» стать всем, оставаясь при этом, по сути, внутренне, духовно-психологически, рабом. Скажем, рабом кровожадного чувства мести и зависти, маскируемого, конечно, под жажду справедливости. Об этом И.А. Бунин, не поддавшийся пароксизму ненависти, с болью и тоской писал в «Окаянных днях»: ««Российская история» Татищева: «Брат на брата, сынове против отцев, рабы на господ, друг другу ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведуще, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день возрыдает...» А сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий «сдвиг» к чему-то будто бы совершенно новому, доселе небывалому!»

А.И. Герцен писал: «Нельзя людей освобождать к наружной жизни больше, чем они освобождены внутри».

Заколдованный круг: людей надо освобождать из рабства, но их нельзя освобождать! Смертельно опасно для них, таких, какие они есть, наружное освобождение. В июне 1918 года В.Г. Короленко пишет: «Все эксперименты, которые проделывались над политическими свободами со времен первого завоевания их в октябре 1905 г. и до наших дней... оказались возможными потому, что российские массы не ценят, не понимают, не ощущают благ политических свобод».

Так есть ли выход из заколдованного круга дурной бесконечности: рабы, ставшие после зверской резни господами, восстанавливают рабство и т. д. и т. д.?

Чудом не погибший в революционной России великий князь Александр Михайлович размышляет: «Я не считаю современной эпохи ни цивилизованною, ни христианскою. ...Когда я нахожусь в Европе, я всегда испытываю чувство, как будто гуляю по красивым аллеям кладбища, в котором каждый камень напоминает мне о том, что цивилизация покончила самоубийством 1 августа 1914 года. ...Если бы я мог начать жизнь снова, я начал бы с того, что отказался от моего великокняжеского титула и стал бы проповедовать необходимость духовной революции. Этого я бы не мог начать в России. В Российской Империи я подвергся бы преследованию «во имя Бога» со стороны служителей православной церкви. В советской России меня бы расстреляли «во имя Маркса» служители самой изуверской религии победоносного пролетариата».

«Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух ... должно вам родиться свыше» (Ин. 3:7-8). Духовное возрождение, духовное освобождение рабов из рабства их собственной плоти со всеми ее инстинктами, ослепляюще-оглупляющими импульсами – об этой «необходимости духовной революции» говорит Александр Михайлович. Вырваться из рабства самолюбия, самомнения, самообольщения, самообмана, самоослепления можно лишь через неустанную духовную работу самопознания, которое в свою очередь возможно лишь через рабское смирение себя перед Богом ради познания Бога, т. е. Истины. «...и познаете истину, и истина сделает вас свободными». (Ин. 8:32)

Елена Серапионова
**Союз чешско-словацких обществ в
России в годы Первой мировой войны**

Накануне Первой мировой войны в России насчитывалось около 100 тысяч чехов и приблизительно 2 тысячи словаков, причем как принявших российское подданство, так и сохранивших подданство Австро-Венгрии. Ими были организованы различные общества: благотворительные, культурно-просветительные, спортивные. Интересно, что в США, где существовали крупные чешские и словацкие колонии, чешские и словацкие общества существовали параллельно, тогда как в России нередко возникали совместные чешско-словацкие организации. Возможно, это происходило ввиду относительной немногочисленности словацких переселенцев в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.